

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

В этом году мы отмечаем столетие со дня рождения Георгия Борисова, больше известного под псевдонимом Макс.

Вот что сказано об этом мастере манежа в цирковой энциклопедии: «Родился в Румынии, где и начал работу в цирке. Был служащим в балагане М. Руснер, подготовил номер на трапеции. В 1909—1912 исполнял номер «Одиный полет» в цирке К. Матиеску. Под руководством укротителя львов Д. Политова стал выступать с его животными. В годы 1-й мировой войны 1914—1918 Борисов служил в румынской армии. Попав в Россию в 1917 году, участвовал в гражданской войне 1918—1920. С 1920 был уличным борцом с медведем. В 1926—1928 — в цирке Н. Зуева — дрессировщик медведей, атлет и воздушный гимнаст. После некоторого перерыва (из-за травмы) вернулся к дрессировке львов, выступал в предприятиях ЦУТ: с 1934 — в зооцирке, в 1939—1957 — в цирках, работал с большими группами зверей (12—15 львов). Борисов — один из последних представителей «дикой» дрессуры».

К сожалению, М. Борисов не оставил воспоминаний о своей жизни и работе, поэтому сегодня, рассказывая о нем, мы вынуждены, в основном, довольствоваться скудными строчками из цирковой литературы. Е. Кузнецов в книге «Арена и люди» лишь упоминает его имя, правда, в ряду восходящих звезд советской дрессуры: Б. Здера, М. Бугримовой и А. Буслаева, А. Корнилова, А. Александрова-Федотова. Он сообщает, что перед войной появился «Макс Борисов, выступивший в Московском цирке с отлично разработанной, эмоционально острой дрессировкой группы африканских львов».

Несколько позднее в предисловии к книге Б. Здера «Мои питомцы» Ю. Дмитриев пишет: «Сейчас в советском цирке, пожалуй, только один М. Борисов представляет старую школу укрощения, в которой запугивание и озлобление животных играют главную роль. Борисов, несмотря на его темпераментную и смелую работу, ижеет все меньший успех. Его хлосты, выстрелы, палки, которыми он тыкает в морды львам, чтобы львы рычали, вызывают только раздражение у зрителей».

Вот такие разные точки зрения сохранились для потомков. Найти какой-то дополнительный материал, хотя бы старые рецензии в газетах той поры, мне не удалось. Поэтому я решила обратиться к памяти очевидцев.

В. СЕРГЕЕВА.

ЮРИЙ ДМИТРИЕВ, ПРОФЕССОР, ЦИРКОВЕД

Как известно, примерно до 1928 г. мы «выписывали» дрессировщиков только из-за рубежа. У нас работали многие знаменитые дрессировщики: Тельман, Бенедикс, Джексон, Петерсон, Тогаре, капитан Шнейдер. Одним словом, иностранцы. Наши соотечественники можно было сосчитать по пальцам — Н. Гладильщиков, в Средней Азии работал Алекпер Фарух со своей сестрой Пашеттой, а на Дальнем Востоке Горбунов. Естественно, советский цирк был крайне заинтересован в появлении своих дрессировщиков.

Макс Борисов начал свою деятельность в зверинце еще на родине. Не берусь судить, как и почему он попал в нашу страну. Однако, когда им была создана группа львов в зверинце, его заметили и перевели на цирковую арену.

Макс Борисов был сторонником возбужденных или так называемой «дикой дрессировки». Это не значит, что его львы были действительно дикими. Но во время выступления он постоянно раздражал их: стрелял, непрерывно шелкал бичом, тыкал в зверей палкой. Он пользовался огромными деревянными шестами, которые специально подпиливал. И как только лев, отмахиваясь, ударял лапой по палке, она с треском ломалась. Кусочки ее разлетались в разные стороны. Это производило на публику большое впечатление.

Макс очень многим нравился своей отвагой, решительностью. Но дело даже не в смелости, а в том, какое необыкновенное впечатление он производил своей работой.

Помнится также, что он был известен только как Макс. К гастрольям дрессировщика в Москве впервые на афишах написали: «Макс Борисов», в связи с чем он устроил грандиозный скандал, отстаивая свое право работать под псевдонимом. «Я не Борисов, я — Макс!» — возмущался артист. Он участвовал в программе «Все в первый раз в Москве». Дебют в столице прошел хорошо, но, как мне кажется, никаких особенных трюков его хищники не делали. Львы ходили по буму, делали «ковер», но сам дрессировщик на него не ложился. Самым главным в его выступлениях были выстрелы, палки, бичи. Нагнеталась атмосфера особой напряженности, страха. Казалось, сейчас произойдет катастрофа и дрессировщика разорвут на куски.

Макс был единственным в своем роде с такой манерой подачи номера. Конечно, он был настоящим артистом. Но советский цирк уже уходил к гуманной дрессировке, а здесь крик, выстрелы... В ту пору все это мне виделось анахронизмом. Сегодня я склоняюсь к мысли, что заслуга Макса в том, что он создавал образ истинного укротителя.

Когда на смену отцу пришел сын Владимир, он стал работать с хищниками в мягкой и гуманной манере, и одним из первых наших дрессировщиков начал включать в свой номер комические игровые моменты. Сейчас на манеже с группой дрессированных львов работает уже внучка Макса — Ольга Борисова.

ИРИНА БУГРИМОВА, НАРОДНАЯ АРТИСТКА СССР, ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Получилось так, что когда Макс Борисов начал выступать с группой дрессированных львов, я долгое время только слышала об этом артисте. Его имя стояло рядом с Гладильщиковым и Здером.

Когда я выпустила «Круг смелости» со львами, меня очень интересовала работа Борисова. Но встреча наша только усложнялась от того, что мы работали в одном жанре. Иногда мы почти достигали его в каком-то городе, но заставить так и не смогли. Наконец, я увидела его в Харькове. Это было уже после войны. Я приехала на несколько дней проведать родителей и с радостью узнала, что в цирке работает Макс.

Он произвел на меня очень хорошее, большое впечатление. На манеж выходил статный красивый мужчина, и хотя был он уже в возрасте, все же сумел сохранить пластичность движений, а главное, у него был свой образ. В то время было модно (а мода завладевает всем) укрощение на страх, чтобы зритель переживал, а не любовался тем, как человек владеет животными.

Сейчас я запомнила, сколько львов он выводил. Восемь, девять, десять... Работа была хаотичная, невыстроенная, как, например, у Н. Павленко. Но она по своему профилю такой и должна была быть. Недаром он имел успех у зрителей.

Мне очень понравился такой его трюк — здоровенный лев поднимался на задние лапы и шел на дрессировщика. Поверьте моему опыту, это очень сложно и не каждый лев способен исполнить такое. Тигры ходят на задних лапах, как собаки, а львы нет. Тем не менее, лев, поднявшись во весь рост, яростно наступал на своего повелителя. Макс медленно отступал. Вдруг он сделал какой-то жест и лев, словно опомнившись, убежал даже не на свою тумбу, а где-то спрятался. Мне запомнился этот прием и я его использовала в своей работе. Был у меня лев Нерон, который после хождения по канату, спустившись в манеж, поднимался на задние лапы и шел на меня. Я отступала буквально до двери клетки. Но потом, как положено, уже я наступала на хищника и водворяла его на место. Вот такой эффектный для устрашения зрителя трюк делала я, вслед за Максом Борисовым. Больше никто такого трюка у нас не показывает.

В Харькове Макс работал с новой группой животных. В войну его постигла настоящая трагедия. Во время пожара в Периском цирке сгорели практически все его львы.

Мы мало встречались, но у меня о нем осталось самое хорошее впечатление. У его сына Володи была уже совершенно другая манера работы. Пришла мода на мягкую дрессировку, но она, пожалуй, труднее чем та, отчаянная, которой в совершенстве владел Макс, потому что тут в первую очередь необходимо артист, нужна сюжетная линия номера. В. Борисов был достаточно мягкой и артистичный, но в лидеры не вышел. Его приемницей стала дочь Ольга. Она в числе немногих женщин освоила наш героический жанр.

ИОСИФ ФРИДМАН, ВETERАН ЦИРКА, АКРОБАТ, ПЕДАГОГ

Я познакомился с Максом Борисовым в 1930 году, когда поступил в цирковое училище. В ту пору он подрабатывал на жизнь тем, что разгуливал по улицам города с медведем, тешил народ, устраивая борьбу с ним. А в старом здании училища была небольшая каморка, где Макс держал своего косолапого партнера. Думаю, что случай, который я расскажу, запомнился надолго всем моим однокурсникам.

Общежития тогда при училище не было. И те из нас, кто не имел в Москве угла, жили... в манеже. Конечно, нелегально. Сторожа чем-либо задобрим и ночуем. А утром весь свой нехитрый скарб мы прятали. И когда приходил директор, никаких следов нашего пребывания не оставалось.

Однажды вместе с нами решил заночевать один из наших товарищей — москвичей. Ему казалось так романтично провести ночь на манеже. Поскольку у него не было никакой подстилки, он попросил завернуть его в небольшой гимнастический ковер. Так мы и сделали. Закатали его словно кокон, а под голову положили икарыйскую подушку. Угомонились наша компания не скоро — нужно было обменяться впечатлениями, новостями. Как водится, кто-то взялся рассказывать страшную историю, сочиненную на ходу... Тем не менее, сон сморил даже самых бойких.

Среди ночи все проснулись от страшного вопля. Тот, кто протер глаза раньше, успел заметить улетающего с манежа медведя. А наш гость катался по манежу, пытаясь выбраться из ковра.

Что же произошло? У каждого из нас было свое давно облюбованное место где-нибудь на скамейках, поближе к печке. Наш любитель острых ощущений оказался на манеже один. Он мирно спал и снилось ему, как он завяз в большом сугробе и не может вылезти. Неожиданно, как это бывает во сне, к нему подошел медведь и облизал лицо. От страха парень проснулся. А над ним медвежья морда. Косолапый не во сне, а наяву лизал ему лицо. Тогда мы и услышали ужасный вопль, от которого даже медведь поспешил укрыться в свою каморку.

Наутро мы все рассказали дяде Макс. Хотя многие из нас не догадывались о том, что он почти вдвое старше нас, не все отваживались называть его запросто Макс. Выслушав нас, он обратился к герою ночного происшествия: «Что тут сказать? Лизал он тебе лицо? Это хорошо. А можешь считать, что ты второй раз родился. Он мог тебе и голову грызнуть!»

Конечно, мы знали о нашем необычном соседе. Но были убеждены, что он надежно заперт. Как он выбрался из своего укрытия — трудно сказать. Но с этой ночи мы стали более бдительны и всегда подпирали дверь его каморки колышками.

Как я вам уже говорил, мы не догадывались, сколько Макс лет. К тому же, он никогда не строил перед нами, юнцами, всезнающего мэтра. Мы же платили ему преданной любовью. Когда у Макса было время и настроение, мы вместе отправлялись обедать в нашу кормиллицу — фабрику-кухню на Ленинградском шоссе. Причем, если кто-то из нас «сидел на мели», он мог рассчитывать на финансовую поддержку Макса.

Среди нас, молодых, его называли — Кошка. Очень он был прыгуч и пластичен, хотя и крепкого телосложения. Вот какой эффектный трюк исполнял Макс при спходе с трапеции. В финале номера он висел вниз головой высоко над манежем, а затем оторвавшись от трапеции, делал половину сальто-мортале и приходил ногами прямо на ковер манежа. Это было очень красиво и сложно. Тогда еще не пользовались как теперь толстыми матами, смягчающими приход, так что гимнаст, прыгая на жесткую площадку, мог рассчитывать только на свое мастерство и крепкие ноги. Макс напоминал кошку, которая из любого положения может мягко приземлиться на лапы.

Где-то в начале тридцатых Борисов выступал в московском цирке с полувоздушным, полупартерным номером. Макс забирался по лестнице на пьедестал, надевал на голову специальный скафандр, на вершине которого было приспособление, позволяющее удерживать и вращать четырех артисток. Вначале они исполняли всякие гимнастические комбинации, а под финал Борисов раскручивал всех девушек. Они же совершали разнообразные вращения.

На одном из выступлений, после того как гимнастки прыгнули на манеж, Макс не смог снять свой скафандр. Что-то заело. Пауза перед комплиментом затягивалась, артист нервничал, но усилия его были тщетны. В зале пронеслась волна смеха. Макс спустился с пьедестала и бросился за занавес. Униформа шархнула в разные стороны. Артисты, оказавшиеся за форгангом, замерли в ожидании бури. Человек он был горячий, а тут такая накладка.

Макс же из своей ловушки кричал: «Что притихли? Помогите!». Подбежали ребята, освободили его голову. Вздохнув облегченно, Макс разразился хохотом. Вот такая веселая развязка у этой истории.

Мне запомнилось его появление в манеже, когда он работал с дрессированными львами. Макс появился верхом на лошади, одетый, как настоящий бедуин, в бурнус. Потом лошадь вводили и через тоннель выходила большая группа львов. Борисов сбрасывал свою необычную одежду и представлял перед зрителями в восточных шароварах с обнаженным торсом. Все его действия производили впечатление, настраивали на необыкновенное зрелище.

Макс свирепствовал в клетке, он нарочито играл в опасность. Как истинный актер он входил в образ властного укротителя. Публике это очень нравилось. Многие дрессировщики тогда пользовались подпаленными палками. Но у него этот трюк был наиболее эффектен. Только посвященные знали, что, когда он яростно размахивал палкой и опускал ее на спину льва, животное почти ничего не чувствовало. Зато шум, треск, рев стояли на весь цирк! Макс доводил своих зверей до такого состояния, что казалось, еще миг, они кинутся и растерзают дрессировщика. Но в момент наивысшего накала страстей, Макс отбрасывал палку, поворачивался к хищникам спиной и звери замирали.

Борисов показывал и такой трюк как кормление львов. Публика сидела ни жива, ни мертва, когда стая львов набрасывалась и рвала друг у друга куски мяса. Правда, вскоре этот трюк запретили.

А как он исполнял не менее опасный, но более известный трюк, когда дрессировщик кладет голову в пасть льва! Обычно артисты страхуют себя, придерживая страшные челюсти руками. Макс, показывая опасный трюк, демонстративно отводил руки за спину.

У него, впрочем, как и у всех укротителей, было множество шрамов. Я был свидетелем того, как во время выступления в Нижнем Тагиле году в 39—40-м, лев когтями здорово разодрал Макс. На манеж брызнула кровь, но он зажал рану и продолжал работать. Конечно, зрители сочувствовали артисту — как же, разорванный палец! А мы-то знали, как запах крови возбуждающе действует на хищников. Но несмотря на увещевания инспектора, Макс доработал до конца.

Отчаянная натура Макса сказывалась в его работе. Не многие, наверное, знают, что в начале века у нас было распространено такое «варварское» зрелище. Человека живьем закапывали в землю, испытывая его выдержку и способность не задохнуться в «могиле». Такие страсти можно было посмотреть в садах и парках, да и в цирке иногда находились смельчаки, показывающие подобные номера. Макс был в их числе.

Словом, артист цирка Макс Борисов в каком бы жанре он ни работал, утверждал своим творчеством, что на манеже мало просто профессиональных навыков, нужен кураж, умение пощекотать нервы публике. И даже, когда на манеж пришли другие веяния, он остался верен себе.

